

На следующее утро.

Режиссёр Хэ Дао объявил правила сегодняшнего задания: вчерашние победители — Сун Юфэй и Е Цинлань — получили право первыми выбрать себе партнёров.

Е Цинлань почти не раздумывал и сразу выбрал Цун Цзиньюэ.

Когда очередь дошла до Сун Юфэя, он, хоть и считал, что лучше всего сработался бы с Е Цинлань, всё же решил уступить другу и с улыбкой сказал:

— Тогда я выберу учителя Чжана. Учитель Чжан, вы не против?

Чжан Хуайсуй спокойно кивнул. Для него не имело значения, с кем работать, лишь бы не с Цун Цзиньюэ.

— Без проблем.

Оставшиеся — Ци Янь и Цзи Шинянь — автоматически составили третью пару.

Хэ Дао продолжил:

— Завтра мы отправимся в начальную школу деревни Яо, примерно в трёх часах езды от виллы.

На экране проектора появились фотографии: извилистая горная дорога, обшарпанные стены, простые деревянные здания. Это была типичная горная школа, где училось пятьдесят пять детей и всего три учителя.

— Основная цель поездки — провести для детей несколько внеклассных занятий. Мы уже обсудили всё с директором школы: каждая пара проведёт свой собственный урок. Тема — любая, главное, чтобы она была позитивной, полезной и вдохновляющей. Лучше, если это будет что-то, с чем дети ещё никогда не сталкивались.

Затем он объяснил систему правил и поощрений.

Сегодня оставшееся время отводилось на подготовку: нужно было придумать тему, написать план урока и подготовить материалы. Всё — до конца дня.

После занятий дети всей школы проголосуют за самый любимый урок. Каждая полученная пара голосов равна одной тысяче юаней, которые переведут в «Фонд Восходящей звезды» — в пользу школы деревни Яо.

Едва забрезжил рассвет, участники уже были на ногах.

После трёх часов тряской дороги съёмочная команда добралась до подножия горы. Дальше машины проехать не могли: дорога сузилась, поднималась всё выше и выше.

Их уже ждали директор школы и несколько сельских старост, катя перед собой деревянные одноколёсные тележки.

— Учителя, спасибо, что приехали! — сказал директор, улыбаясь просто и искренне. — Дальше дорога крутая, машины туда не пойдут. Мы по-нашему повезём вещи — на «петушиных тележках».

Так местные называли эти простые самодельные повозки.

Работники телешоу сгрузили ящики с подарками и оборудованием, крепко привязали их к тележкам.

— Каждая пара должна сама довести свой груз до школы, — предупредил Хэ Дао. — Главное — осторожность.

Дорога вилась серпантином, и на ней могла проехать лишь одна тележка. Первые пары добрались без происшествий, но когда очередь дошла до Ци Яня и Цзи Шиняня, случилась заминка: Ци поскользнулся, и тележка едва не перевернулась. К счастью, Цзи успел схватить его за руку и удержать равновесие.

Все вокруг облегчённо выдохнули.

— Спасибо, — Ци улыбнулся, выпрямился и с благодарностью кивнул Цзи.

После долгого пути они наконец добрались до школы.

Снаружи — низкий забор, выцветшие стены, а посреди двора — флагшток, тонкий, как тростинка.

Вся школа состояла из трёх учителей и пятидесяти пяти учеников — с их мечтами, стараниями и детскими голосами.

Для занятий всех детей собрали в одну большую (по местным меркам) аудиторию. На стене — школьная стенгазета, нарисованная детскими руками. В центре — книга с каллиграфической надписью: «Добродетель несёт мир».

Дети сидели, стояли, кто-то присел прямо на пол — тесно, шумно, но глаза у всех светились ожиданием.

В их взглядах смешались любопытство и благоговение: перед ними — люди с телевидения, «настоящие звёзды».

— Они кто? Такие красивые... Ещё и с охраной, — шепнул один мальчишка.

— Глупый, это же знаменитости! — ответил другой.

Учителя и операторская группа стояли у дверей.

Через старое окно Чжан Хуайсюй видел, как в центре класса сидит Цун Цзиньюэ.

Он держал гитару, нога на подставке, плечи свободны. Звучала фонограмма его старой песни — «Маленький камень». Не самый известный его трек, но проникновенный.

Голос у него был редкий — чистый, с тёплой хрипотцой, будто рождённый для сцены. Он не стал объяснять детям смысл песни — просто пел, о стойкости и взрослении.

Сун Юфэй, стоявший рядом с Чжаном, тихо присвистнул:

— Не знал, что Цун так хорошо поёт.

— Да, — кивнул Чжан, — но звучит иначе, чем в оригинале.

Он произнёс это вполголоса, даже не осознав, что слушает внимательно.

Их урок был следующим — каллиграфия.

Помимо актёрского мастерства, Чжан Хуайсюй с детства занимался письмом. Ему было десять, когда он впервые взял кисть. С тех пор не бросал. В его доме висели награды, но он никогда ими не хвастался.

Он писал крупными, чёткими чертами, объясняя детям, как древние знаки произошли от рисунков. Детям это казалось волшебством.

Цун стоял у двери, скрестив руки, наблюдая, как камеры бережно снимают каждый жест Чжана.

Он был, безусловно, прирождённый любимец объектива.

Третьими шли Ци Янь и Цзи Шинянь — они придумали урок «Психология через игру». Показали детям иллюзии, простые фокусы, рассказали о восприятии. Дети смеялись, хлопали, были в восторге.

Когда все занятия закончились, участникам дали время отдохнуть.

Цун стоял у камеры, обсуждая с Е Цинлань прошедший день, и вдруг почувствовал, как кто-то тянет его за штанину.

Тянули ритмично, осторожно.

Он посмотрел вниз — перед ним стоял мальчик лет девяти, в выцветшей рубашке. Лицо чистое, глаза — как звёзды.

— Какой красавец! — улыбнулся Е Цинлань.

Мальчик смущённо почесал голову, но взгляд не отводил:

— Брат, на уроке ты сказал, что актёр. Я тоже хочу быть актёром. Возьмёшь меня с собой?

Цун присел, чтобы смотреть ему в глаза, и мягко потрепал по голове:

— А ты знаешь, чем занимается актёр?

Мальчик бодро ответил:

— Конечно! Я у нас в деревне играю У Суна! Когда он тигра бьёт! Мы с ребятами вместо тигра берём палку! Они говорят, что я очень похож!

Он даже показал пару движений — ловко и с азартом.

Цун засмеялся и сжал его щёки.

— Как тебя зовут, герой?

— Яо Шу! Но все зовут меня просто Сяо Шу! — ответил тот, сияя. — Так что, брат, ты меня научишь?

— А зачем тебе так хочется быть актёром? — удивился Цун.

Мальчик замялся, взгляд потух.

Он поиграл носком ботинка, потом опустил голову.

Цун понял, что за этим что-то большее. Он мягко положил ему руку на плечо.

— Сяо Шу, учиться — это сейчас самое главное. Актёром ты ещё успеешь стать, когда подрастёшь.

Мальчик кивнул, но глаза сразу потускнели. Он тихо сказал «угу» и, опустив голову, побрёл прочь.

Е Цинлань сжал губы, глядя на его маленькую фигуру, теряющуюся среди детей.

Цун посмотрел на директора школы и подошёл к нему.

— Скажите, пожалуйста, — он кивнул в сторону Яо Шу, — этот мальчик... как у него дела дома?

Директор вздохнул:

— Шу живёт с дедушкой и бабушкой. Родители уехали на заработки, возвращаются раз в год. Мальчик умный, учится лучше всех. Но бабушка в последнее время болеет, а он часто просится домой — помогать. Таких, как он, у нас много... Половина детей — без родителей, одни старики их растят.

Он вдруг добавил, глядя Цуну прямо в глаза:

— Вы не представляете, как много значит, что вы приехали. Если сможете хоть немного помочь этим ребятам — это больше, чем мы за всю жизнь.

Цун мягко остановил его:

— Не нужно так говорить. Вы и ваши учителя делаете великое дело. Мы видим это. А мы — просто хотим помочь, чем можем.

Но в душе он знал — съёмка в таких местах всегда двойка. Чужая беда легко становится частью шоу. И всё же... этот мальчик тронул его по-настоящему.

Он вернулся к Яо Шу, снова присел перед ним.

— Сяо Шу.

— Что, брат? — буркнул тот, не поднимая головы, пнув камешек.

Цун осторожно сказал:

— Давай договоримся так. Я помогу тебе с учёбой, заплачу за школу. А ты, когда вырастешь, когда сам начнёшь зарабатывать, отдашь мне эти деньги. Потихоньку. Идёт?

Мальчик поднял глаза, в которых сразу вспыхнула надежда, но он всё же неуверенно переспросил:

— Правда можно? А если я не смогу вернуть?

Цун засмеялся, снова потрепал его по голове:

— Сможешь. Я уверен, ты станешь большим человеком.

Яо Шу расплылся в улыбке, громко сказал:

— Да! Папка и мамка тоже так говорят — если буду учиться, то выйду из деревни и стану большим человеком!

Потом вдруг сник, замолчал и тихо добавил:

— Только... бабушка недавно упала. Спина болит, а она говорит — лечиться не будет, все деньги пусть на мою школу идут. А я... я просто хочу, чтобы никто не болел. Чтобы все жили долго.

Он втянул носом воздух и шепнул:

— Я соврал тебе, брат. Я не хочу быть актёром. Я просто хочу заработать деньги.

Цун притянул его к себе, крепко обнял, потом, чтобы не растрогаться, как будто сердито взъерошил ему волосы.

— Всё правильно, — сказал он тихо. — Тогда договорились: я помогу тебе, а ты — хорошо учись. Когда вырастешь — вернёшь. А я приду проверить.

Яо Шу серьёзно кивнул, вытянул мизинец:

— Тогда поклянемся. Обещания нельзя нарушать.

Цун улыбнулся и зацепил свой мизинец за его.

Дети вокруг зашумели, подбежали ближе, окружили их. Яо Шу успел крепко сжать руку актёра, но вскоре его оттеснили, и он исчез в детской толпе.

— Не забудь! — крикнул он через шум.

Цун стоял, полуобернувшись, глядя на него — маленький, упрямый, с блестящими глазами, среди десятков таких же.

Что-то кольнуло внутри. Взгляд, детский, верящий — будто отражение того, кем он сам когда-то был.

Он выдохнул, собрался и, улыбнувшись, повернулся к остальным детям.

А Чжан Хуайсюй всё это видел.

Он наблюдал со стороны, как Цун разговаривает с мальчиком, и впервые видел на его лице не ухмылку, не холод, а живое, настоящее чувство.

Он даже сам не заметил, как долго стоял, не отводя взгляда.